

АЛЬБЕРТО
МАНГЕЛЬ

ИСТОРИЯ
ЧТЕНИЯ

Альберто Мангель

История чтения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64804616

*История чтения: Издательство Ивана Лимбаха; Санкт-Петербург;
2020*

ISBN 978-5-89059-377-1

Аннотация

Когда и где впервые возникли буквы? Что такое сладость чтения? Кто научил верблюдов ходить в алфавитном порядке? Правда ли, что за любовь к чтению казнили? Является ли чтение страстью или отдохновением? Автор воспринимает чтение как соблазнение, как бунт, как одержимость и прослеживает ранее не рассказанную историю о том, как мы продвигались от глиняной таблички к свитку, кодексу и, в конце концов, к гипертексту. Бесконечно увлекательное, захватывающее исследование того, что значит быть читателем, понимать себя через то, что мы читаем. Альберто Мангель (р. 1948) – известный канадский культуролог, писатель, директор Национальной библиотеки Аргентины. Среди персонажей его увлекательной книги писатели и философы, святые и простые смертные – любители чтения и книг.

Содержание

Благодарности	5
К читателю	8
Последняя страница	9
Процессы чтения	45
Чтение теней	45
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Альберто Мангель

История чтения

Крэйгу Стивенсону

Не зря судьба челом к челу

Свела два разные несчастья,

С порывом внешнего ненастья

Сличая внутреннюю мглу.

Роберт Фрост¹

Alberto Manguel
A History of Reading

© Alberto Manguel

c/o Schavelzon Graham Agencia Literaria

www.schavelzongraham.com

© М. А. Юнгер, перевод, 2007, 2020

© Н. А. Теплов, дизайн обложки, 2020

© Издательство Ивана Лимбаха, 2020

Благодарности

За семь лет работы над книгой накопилось немало людей, которых я обязан поблагодарить. Книга об истории чтения началась с попытки написать эссе. Кэтрин Йоллес заметила, что тема вполне достойна полноценной книги – и спасибо ей за ее уверенность.

Спасибо моим редакторам – Луис Дэннис, самой благодарной читательнице, чья дружба поддерживала меня с далеких времен «Словаря воображаемых мест»².

Нэн Грэм, которая стояла у истоков книги, и Кортни Ходелл, чей энтузиазм помог мне довести дело до конца; Филипа Гвина Джонса, который ободрял меня, вычитывая самые сложные места.

Джена Горелл и Беверли Битэм Эндерсби кропотливо и по-шерлоковски ловко отредактировали рукопись: моя огромная благодарность за это. Пол Ходжсон разработал макет книги с невероятной любовью и заботой. Мои агенты Дженнифер Баркли и Брюс Уэствуд героически отгоняли от моих дверей волков – служащих банков и сборщиков налогов.

Множество моих друзей внесли весомый вклад в книгу – Марина Уорнер, Джованна Франки, Ди Фейгин, Ана Беччи,

² The Dictionary of Imaginary Places (1980). *Ред.*

Грег Гэйтенби, Кармен Криадо, Стэн Перски, Симон Вотье. Профессор Амос Лузатто, профессор Рош Лекур, М. Хуберт Мейер и Фр. Ф. А. Блэк любезно согласились прочесть и откорректировать несколько отдельных глав; все уцелевшие ошибки – лично мои. Сибил Айза Тузлак проводила некоторые предварительные исследования. Огромная благодарность работникам библиотек, которые выкапывали для меня странные книги и терпеливо отвечали на мои не особо академические вопросы в Городской Справочной библиотеке Торонто, библиотеке Робартса, библиотеке редких книг Томаса Фишера – все в Торонто, Бобу Фоли и всем работникам библиотеки в центре Банфа, Гуманистической библиотеке в Селесте, Национальной библиотеке в Париже, исторической библиотеке города Парижа, Американской библиотеке в Париже, библиотеке Страсбургского университета, Муниципальной библиотеке в Кольмаре, библиотеке Хантингтона в Пасадене, штат Калифорния, Амброзианской библиотеке в Милане, Лондонской библиотеке и Национальной библиотеке Святого Марка в Венеции. Кроме того, я хочу поблагодарить программу поддержки искусств и журналистики Маклина и Хантера и Центр Банфа, а также книжный магазин «Страницы» в Калгари, где впервые были прочитаны отдельные главы этой книги.

Я бы не смог дописать эту книгу без помощи Совета по искусствам в Онтарио и Канадского совета по делам искусств, а также фонда Джорджа Вудкока.

В память о Джонатане Уорнере, чьих советов и поддержки мне так не хватает.

К читателю

У чтения есть история.

Роберт Дарнтон.

Поцелуй Ламуретта, 1990

Ибо страсть к чтению, как и все прочие страсти, что отвлекают наши неутешные души, поддается анализу.

Вирджиния Вулф.

Сэр Томас Браун, 1923

Так кто же хозяин?

Писатель или читатель?

Дени Дидро.

Жак-фаталист и его хозяин, 1796

Последняя страница

Читать, чтобы жить.

Гюстав Флобер.

Из письма к мадемуазель де Шантепи, июнь 1857

Юный Аристотель, сидя на удобной скамье, просматривает лежащий у него на коленях пергамент – одна рука опущена вниз, другой он подпирает голову, ноги скрещены. Придерживая очки на костистом носу, бородатый Вергилий в тюрбане переворачивает страницы толстого тома на портрете, написанном через пятнадцать веков после смерти поэта. Святой Доминик углубился в чтение, сидя на широкой ступени. Его рука слегка касается подбородка, он полностью глух к окружающему миру. Двое любовников, Паоло и Франческа, устроились под деревом, смакуя стихотворные строки, которые решат их судьбу: Паоло, как и святой Доминик, касается рукой подбородка; Франческа держит книгу открытой, двумя пальцами заложив страницу, которая никогда не будет прочитана. По дороге в медицинскую школу два студента-мусульманина XII века остановились, чтобы обсудить несколько пассажей одной из книг, которые они взяли с собой. Указывая на правую страницу книги у себя на коленях, малютка Иисус объясняет свое учение собравшимся в храме старейшинам, а те потрясенно и недоверчиво листают

фолианты в тщетных поисках опровержений. Такая же прекрасная, какой она была при жизни, аристократка из Милана Валентина Бальбиани перелистывает страницы мраморной книги на крышке гробницы под внимательным взглядом крошечной собачки. Вдали от шумного города, среди песков и камней, святой Иероним, словно пожилой пассажир в ожидании поезда, читает манускрипт размером с бульварную газету, а в углу лежит лев и слушает его. Великий ученый и гуманист Дезидерий Эразм делится со своим другом Жильбером Кузеном шуткой, вычитанной в книге, лежащей перед ним на столе. Опустившись на колени среди цветущих олеандров, индийский поэт XVII века поглаживает бороду, обдумывая строчки, которые он только что, смакуя, произнес вслух. В правой руке у него прекрасная книга в драгоценной обложке. Остановившись у длинного ряда простых книжных полок, корейский монах погрузился в чтение одной из восьмидесяти тысяч деревянных досок Трипитаки Кореаны – текстов буддийских сутр, – которой уже семь веков. «Учись молчанию», – дает совет неизвестный художник, создавший портрет рыбака и эссеиста Исаака Уолтона³, читающего книгу на берегу Итчен-Ривер, близ Винчестерского собора.

Обнаженная, тщательно причесанная Мария Магдалина,

³ Исаак Уолтон (1593–1683) – автор книги «Искусный рыболов, или Медитация для мужчин» (1653) – причудливого сочетания практических советов по рыбалке, проповеди во славу мирной жизни на лоне природы, которую автор противопоставляет кровавым революциям и гражданским войнам, терзавшим Англию XVII века. *Ред.*

которая еще и не думала раскаиваться, лежит где-то в лесу на расстеленном на камне куске ткани и читает огромный иллюстрированный том. Чарльз Диккенс держит в руках экземпляр одного из собственных романов, собираясь читать его восхищенным слушателям. Облокотившись на каменный парапет набережной Сены, молодой человек с головой ушел в чтение (интересно, что это за книжка?). Нетерпеливая, а может быть, попросту уставшая мать отнимает книгу у своего рыжеволосого сына, который водит пальцем по странице. Слепой Хорхе Луи Борхес щурится, пытаясь лучше расслышать невидимого чтеца. В пестром лесу, сидя на заросшем мхом пне, мальчик держит в руках маленькую книжку. Вокруг тишина, и сейчас он – властелин времени и пространства.

Все они – читатели; их жесты, позы, а также наслаждение и власть, которые приносит им чтение, объединяют их со мной.

Я не одинок.

Впервые я обнаружил, что могу читать, в четыре года. Много, много раз я видел буквы, которые, как я знал (потому что мне так говорили), складывались в названия картинок. Мальчик, нарисованный толстыми черными линиями, одетый в красные шорты и зеленую рубашку (из этой же материи были вырезаны все прочие изображения в книжке – собаки, кошки, деревья и тощие высокие матери), в то же время был тремя черными значками, расположенными под

картинкой, как будто его фигура воплотилась в них: рука и торс в букве «b»; круглая голова в букве «o» и безвольные скрещенные ноги в «y». Я нарисовал на круглом лице глаза и улыбку и закрасил пустой кружочек тела. Но было и кое-что еще: я знал, что значки не только служат зеркальным отражением мальчика, они могут точно сказать, что именно мальчик делает. Мальчик бежит, – утверждали значки. Он не прыгает, как я мог бы подумать, не застыл на месте и не играет в игру, правил которой я не знал. Мальчик бежит.

И все же колдовство не было таким захватывающим, пока его совершал для меня кто-то другой. Другой читатель – наверное, моя няня – объяснил мне значение букв, и теперь, каждый раз, когда я видел изображение этого удивительного мальчика, я знал, что означают значки под ним. Это было приятно, но быстро приелось. Эффект неожиданности пропал.

А потом в один прекрасный день из окна машины (цель той поездки давно забыта) я увидел на дороге вывеску. Вряд ли я долго смотрел на нее; скорее всего, машина остановилась на мгновение или просто замедлила ход, и все-таки я успел разглядеть большие светящиеся буквы, такие же как те, что были в моей книге, но в сочетании, которого я никогда раньше не видел. И тогда я вдруг понял, что они означают; я услышал их у себя в голове, из черных линий на белом фоне они превратились в надежную, звонкую, очевидную реальность. Я сам сделал это. Никто не помогал мне со-

вершать чудо. Мы с буквами вели молчаливый, полный уважения диалог. Я сумел обратить простые линии в живую реальность и стал всемогущим. Я научился читать.

Конечно, я уже не помню, что за слово было на той далекой вывеске (припоминаю лишь, что там было несколько «а»), но восхищение от понимания того, на что раньше я мог только смотреть, живо и сегодня. У меня словно появилось совершенно новое чувство: теперь мир состоял не только из вещей, которые мои глаза могли увидеть, уши услышать, язык попробовать, нос почуять, пальцы осязать. Было и то, что я всем своим существом мог расшифровать, перевести, озвучить, прочесть.

Читателей, в семью которых я вошел, сам того не зная (нам всегда кажется, что мы одиноки в наших открытиях и весь переживаемый нами опыт, от рождения до смерти, пугающе уникален), объединяет общее для всех нас искусство. Чтение букв на странице – лишь одна из его граней. Астроном, читающий древнюю карту звездного неба, которое сейчас выглядит совсем по-другому; японский архитектор, читающий землю, на которой будет выстроен дом, чтобы оградить его от злых сил; зоолог, читающий следы животных в лесу; игрок в карты, читающий мимику своего партнера, прежде чем сделать победный ход; танцор, читающий указания хореографа, и публика, читающая движения танцора; ткачиха, читающая сложный узор будущего ковра; органист, читающий записанную на страничке музыку; мать, чи-

тающая лицо ребенка в поисках радости, испуга или любопытства; китайский предсказатель, читающий древние знаки на панцире черепахи; любовник, читающий в ночи под простыней тело возлюбленной; психиатр, помогающий пациентам читать их собственные пугающие сны; гавайский рыбак, читающий океанские течения, опустив руку в воду; фермер, читающий погоду в небесах, – все они владеют одним и тем же искусством толкования знаков. Некоторые из этих знаков были созданы для определенной цели другими человеческими существами (например, ноты или дорожные знаки) – или богами – как панцирь черепахи или ночное небо. Другие случайны. Но так или иначе именно читатель понимает их значение; читатель находит в некоем объекте, месте или событии материал для чтения; читатель сообщает значение системе знаков и впоследствии дешифрует ее. Мы все читаем себя и мир вокруг в надежде понять, кто мы такие и где находимся. Мы читаем, чтобы понять или хотя бы начать понимать. У нас просто не остается другого выхода. Чтение необходимо человеку почти так же, как дыхание.

Я научился писать гораздо позже, когда мне исполнилось семь. И вполне мог бы прожить без письма. А вот без чтения – нет. Чтение, как я обнаружил, появляется раньше письма. Общество способно существовать – а многие и существуют – без письма⁴, но ни одно общество не сумело бы выжить без

⁴ В «Печальных тропиках» Клод Леви-Стросс называет общества, не имеющие письменности, «холодными», потому что их космология не учитывает последо-

чтения. По мнению этнолога Филиппа Десколы⁵, общества, не имеющие письменности, обладают линейным чувством времени, в то время как в обществах, называемых грамотными, время как бы накапливается; и тот и другой тип общества существуют в разных, но одинаково сложных временах, читая множество знаков, которые предлагает им мир. И даже там, где письменность существовала, чтение предшествовало письму; будущий писец сначала должен был научиться распознавать и расшифровывать систему знаков, принятую в обществе, и лишь потом мог воспользоваться ею для письма. В наиболее образованных обществах – исламских, христианских, иудейских, у древних майя, в буддистских странах – чтение является первым шагом на пути к социализации; умение читать стало моим пропуском в мир взрослых.

После того как я научился складывать из букв слова, я стал читать всё: книги, записки, рекламные объявления, трамвайные билеты, выброшенные на помойку письма, пожелтевшие газеты, найденные под скамейкой в парке, граффити, обложки журналов, которые читали другие пассажиры автобуса.

Я отлично понимал, почему в своей жажде чтения Сервантес читал «даже обрывки бумаги, валявшиеся на улице»⁶.

вательности событий, которая является основой наших представлений об истории.

⁵ *Descola Ph.* Les Lances du crépuscule: relations Jivaros. Haute-Amazonie. Paris, 1993.

⁶ Мигель де Сервантес. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Т. 1, гл.

Это благоговение перед книгой (на пергаменте, на бумаге или на экране) можно назвать краеугольным камнем образованного общества. Ислам пошел еще дальше: Коран – не только одно из творений Божьих, но и один из атрибутов Бога, такой же как вездесущность или сострадание.

Благодаря книгам ко мне приходил опыт. Когда впоследствии в жизни я сталкивался с событиями, обстоятельствами или персонажами, похожими на что-то, мною прочитанное, обычно это сопровождалось слегка неожиданным, но несколько разочаровывающим ощущением дежавю. Я чувствовал, что уже переживал происходящее в чужих словах, и давал этому имя. В одном из самых ранних еврейских философских текстов, написанном приблизительно в VI веке – Сефер Йецира – утверждается, что Бог создал мир тридцатью двумя путями мудрости. Эти пути мудрости – десять сфирот, или цифр, и двадцать две буквы⁷. Из сфирот были созданы все абстрактные понятия, а из двадцати двух букв – все истинно существующее в трех сферах космоса: мире, времени и человеческом теле. Вселенная, по иудейско-христианской традиции, представляет собой рукописную книгу, состоящую из букв и цифр. Ключ к пониманию Вселенной лежит в способности читать эти буквы и цифры и составлять новые комбинации, давая жизнь некой части этого колос-

9. Здесь и далее перевод Н. Любимова. *Примеч. пер.*

⁷ См.: Scholem G. Kabbalah. Jerusalem, 1974; а также: Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. Мосты культуры / Гешарим, 2017. *Примеч. пер.*

сального текста, в подражание нашему Создателю. (Согласно легенде IV века, ученые-талмудисты Ханина и Хошайя однажды целую неделю изучали Сефер Йециру и в конце концов, найдя нужную комбинацию букв, создали трехлетнюю телку, которую впоследствии съели на обед.)

Мои книги были для меня переводами или толкованиями той величайшей Книги. Мигель де Унамуно в одном из сонетов говорит о том, что источник времени лежит в будущем; у меня чтение создавало впечатление, словно я плыву против течения, проживая то, что однажды прочел. На улице под окном было полным-полно каких-то зловредных людей, занимавшихся темными делишками. Пустыня, которая находилась неподалеку от нашего дома в Тель-Авиве, где я жил до шести лет, была восхитительным местом, ведь я знал, что в ее песках, как раз под асфальтовой дорогой, погребен Медный город⁸. Желе представляло собой таинственное вещество, о существовании которого я узнал из книг Энид Блайтон, – и когда я наконец попробовал настоящее желе, оказалось, что оно не идет ни в какое сравнение с той литературной амброзией. Я написал бабушке, жалуясь на какие-то мелкие обиды, и ждал, что она подарит мне восхитительную свободу, которую обретали книжные сироты, найдя давно потерянных родственников; но, вместо того чтобы спасти меня, она переслала письмо моим родителям, которые сочли мои жалобы забавными. Я верил в колдовство и

⁸ «Медный город» – сказка из «1001-й ночи»

был уверен, что однажды получу право загадать три желания – многочисленные сказки уже научили меня, как не потратить их зря. Я готовился к встречам с духами, со смертью и с говорящими животными, к участию в битвах, я составлял сложные планы путешествий на чудесные острова, где моим лучшим другом должен был стать Синдбад. И лишь много лет спустя, впервые коснувшись тела возлюбленной, я понял, что есть вещи, которые не способна описать даже литература.

Канадский эссеист Стэн Перски однажды сказал мне, что «у настоящего читателя миллион автобиографий», потому что в каждой новой книге мы находим что-то от нашей собственной жизни. «Если год за годом перечитывать „Гамлета“ и записывать свои впечатления, – писала Вирджиния Вулф, – получится, что мы записываем свою автобиографию, потому что с годами мы узнаем о жизни все больше, а Шекспир лишь комментирует то, что мы знаем»⁹. Я же воспринимаю это немного иначе. Если все книги являются автобиографиями, и такими они были с самого начала, значит, в моей жизни случилось то, о чем я раньше читал у Герберта Уэллса, в «Алисе в Стране чудес», в сентиментальном «Сердце» Эдмондо де Амичиса, в приключениях Бомбы, мальчика из джунглей. Сартр в своих мемуарах описывает похожие чувства. Сравнивая флору и фауну со страниц энциклопедии *Larousse* с их реальными двойниками, он обнаружил, что «в

⁹ Перевод мой. *Примеч. пер.*

обезьянах зоологического сада было куда меньше обезьян-его, в людях из Люксембургского сада – куда меньше человеческого. Платоник в силу обстоятельств, я шел от знания к предмету: идея казалась мне материальной самой вещи, потому что первой давалась мне в руки и давалась как сама вещь. Мир впервые открылся мне через книги, разжеванный, классифицированный, разграфленный, осмысленный, но все-таки опасный»¹⁰.

Чтение давало повод для уединения или, может быть, создавало ощущение уединения. В детстве, после того как в 1955-м мы переехали в Аргентину, я жил в отдельной части дома, где за мной присматривала няня. Тогда мне больше всего нравилось читать, задрав ноги, лежа на животе на полу в детской комнате. Потом самым безопасным и уютным местом для чтения стала кровать, туманная зона между сном и бодрствованием. Я никогда не чувствовал себя одиноким; более того, в тех редких случаях, когда я встречался с другими детьми, их игры и разговоры казались мне гораздо менее интересными, чем то, о чем я читал в книгах. Психолог Джеймс Хиллман считает, что те, кто в детстве много читал сказок, или те, кому их много читали, «находятся в лучшей форме, и прогноз для них более благоприятный, чем для тех, кому знакомство со сказками еще предстоит... Раннее знакомство с жизнью всегда перспективно». По Хиллману, первые опыты чтения становятся «чем-то, во что можно вжиться-

¹⁰ Жан Поль Сартр. Слова. Перевод Ю. Яхниной и Л. Зониной. *Примеч. пер.*

ся и что можно прожить; способом, с помощью которого душа может найти свое место в жизни»¹¹. Именно поэтому я снова и снова возвращался к прочитанным книгам и буду возвращаться к ним еще.

Поскольку мой отец был дипломатом, нам приходилось много путешествовать; книги были моим домом, знакомым и уютным, где я мог спрятаться в любой момент, какой бы странной ни казалась мне новая комната и какими бы непонятными ни были голоса за дверью. Снова и снова я включал лампочку у изголовья, пока моя няня сидела за электрической вязальной машиной или храпела на соседней кровати, и пытался и поскорее дочитать книгу, и оттянуть момент окончательного расставания с ней, возвращаясь на несколько страниц назад, перечитывая особенно понравившиеся места, выискивая подробности, которые, как мне казалось, ускользнули от меня.

Я никогда и ни с кем не обсуждал прочитанное; желание поделиться пришло позже. В то время я был исключительно эгоцентричен и чувствовал себя в точности так, как сказано у Стивенсона:

Я – царь, и стоит захотеть:
Мне пчелы прилетают петь,

¹¹ Hillman J. A Note on Story // Children's Literature: The Great Excluded. Vol. 3 / ed. Felicia Butler k Bennett Brockman. Philadelphia, 1974.

Ко мне стрижи летят¹².

Каждая книга была целым миром, и в этих мирах я пытался найти убежище. Я знал, что не способен придумывать такие прекрасные истории, как мои любимые авторы, и все же чувствовал, что мое мнение часто совпадает с их точкой зрения, и (говоря словами Монтеня) «плелся за ними в отдалении, бормоча: верно, верно»¹³. Позже я смог отделять себя от литературы; но в детстве, а порой и в юности самые фантастические истории, рассказанные мне книгами, я считал чистой правдой, такой же материальной, как материал, из которого была сделана сама книга. Вальтер Беньямин описывает нечто подобное. «Чем были для меня мои первые книги – чтобы вспомнить это, я сначала должен забыть все, что знаю о них. А все, что я о них знаю сегодня, несомненно, покоится на той готовности, с которой я открывался им тогда. И притом что ныне содержание, тема и предмет книги воспринимаются чем-то для нее внешним, в ту пору все это нераздельно принадлежало ей, будучи не более посторонним, чем кажутся сегодня число ее страниц или бумага. Мир, открывавшийся в книге, и сама она были абсолютно едины – неотделимы друг от друга никакой ценой. Потому содержание каждой книги, ее мир всегда были под рукой. Но по той

¹² Перевод А. Козлова. *Примеч. пер.*

¹³ Цит. по: *Montaigne M. de. On die Education of Children / Montaigne M. de. Les Essais / ed. J. Plattard. Paris, 1947.*

же причине содержание книги и ее мир преображали каждую часть ее самой. Они горели в ней, сияли из нее, гнездились не только в переплете или картинках, но и в заголовках, буквицах, абзацах и колонках. Ты их не прочитывал, но жил в них, обитал между строк и, открывая их после перерыва, пугался, видя самого себя в том месте, где остановился»¹⁴.

Позже, юношей, в огромной заброшенной библиотеке моего отца в Буэнос-Айресе (он поручил устройство библиотеки своей секретарше, и она закупила книги оптом, а потом отослала их в переплетную мастерскую, попросив подогнать под высоту полка, так что у многих книг верхушки страниц были обрезаны, а у некоторых даже не хватало верхних строк) я сделал еще одно открытие. В гигантской испанской энциклопедии «Espasa-Calpe» я искал статьи, которые, как мне казалось, имели какое-то отношение к сексу: «Мастурбация», «Пенис», «Вагина», «Сифилис», «Проституция». Я всегда был один в библиотеке, поскольку отец пользовался ею лишь в тех редких случаях, когда ему нужно было встретиться с кем-то дома, а не в офисе. Мне было двенадцать или тринадцать лет; я уютно устроился в одном из огромных кресел, погрузившись в чтение статьи о губительных последствиях гонореи, когда внезапно отец вошел в комнату и уселся за стол. На какое-то мгновение я до ужаса испугался, что сейчас отец узнает, что я читаю, но спустя секунду сообразил: никто – даже отец, сидевший всего в

¹⁴ Цит. по: Павлов Е. Шок памяти. М., 2914. С. 205. *Примеч. пер.*

нескольких шагах от меня, – не может подобраться ко мне и узнать, о чем говорит книга, которую я держу в руках, если я сам этого не захочу. Это было тайное чудо, о котором знал я один. Я дочитывал статью о гонорее, испытывая скорее ликование, нежели шок. Позднее в той же библиотеке я завершил свое сексуальное образование, прочтя «Конформиста» Альберто Моравиа, «Проклятую» Ги де Кара, «Пейтон-плейс» Грейс Металиус, «Главную улицу» Синклера Льюиса и «Лолиту» Владимира Набокова.

Некая тайна была не только в самом процессе чтения, но и в том, как я решал, что именно буду читать, роюсь на полках магазинов Тель-Авива, Кипра, Гармиш-Партенкирхена, Парижа и Буэнос-Айреса. Много раз я выбирал книги только по обложке. Были моменты, которые я помню даже сейчас: например, как я смотрел на украшенные виньетками суперобложки серии *Rainbow Classics* (издательство *World Publishing Company*, Кливленд, Огайо) и наслаждался скрытым под суперобложкой переплетом, и уносился вдаль вместе с Хансом Бринкером из «Серебряных коньков» (кстати, эта книга мне не понравилась, я ее так и не дочитал), «Маленькими женщинами» Луизы Олкотт и Гекльберри Финном. Все эти книжки предваряли предисловия Мэй Лэмбертон Беккер, озаглавленные «Как была написана эта книга», и я до сих пор считаю их образцовыми. «Холодным утром в сентябре 1880 года, когда в окна забарабанил ледяной шотландский дождь, Стивенсон пододвинул кресло поближе к огню

и начал писать», – говорилось в предисловии мисс Беккер к «Острову сокровищ». Этот дождь и этот огонь сопровождали меня все время, пока я читал.

Помню витрину книжного магазина на Кипре, где оставался на несколько дней наш корабль, полную разноцветных обложек книг о Нодди¹⁵, и то, с каким удовольствием я воображал, что строю вместе с Нодди дом из нарисованных на обложке кирпичей. (Позже, ни чуточки не стесняясь, я наслаждался серией «Древо желаний» Энид Блайтон – тогда я еще не знал, что английские библиотекари считают эти книжки «сексистскими и снобистскими».) В Буэнос-Айресе я открыл для себя серию «Робин Гуд» в картонных обложках с портретом каждого героя черной краской на ярко-желтом фоне и прочел пиратских «Тигров Малайзии» Эмилио Сальгари, романы Жюль Верна и «Тайну Эдвина Друда» Диккенса. По-моему, я не читал краткое содержание на обложке, чтобы узнать, о чем книга; не знаю даже, печатали ли вообще краткое содержание на книгах моего детства.

Думаю, я читал по меньшей мере двумя способами. Были книги, которые я проглатывал целиком, затаив дыхание следил за развитием сюжета, легкомысленно пренебрегая подробностями, в ускоренном темпе переворачивая страницы, – так я читал Райдера Хаггарда, «Одиссею», Конан Дойла и Карла Мая, немецкого автора повестей о Диком Западе.

¹⁵ Персонаж популярной серии детских книг английской писательницы Э. М. Блайтон (E. M. Blyton). *Примеч. пер.*

Другие я читал очень медленно, перечитывая текст в поисках новых смыслов, наслаждаясь самим звуком слов и тем, что слова скрывали от меня, – тем, что, как я подозревал, было слишком ужасно или слишком прекрасно, чтобы оставаться на поверхности. К книгам этого типа – есть в них что-то от детективов – я относил Льюиса Кэрролла, Данте, Киплинга и Борхеса. Кроме того, я читал книги в соответствии с тем впечатлением, которое складывалось у меня еще до прочтения (со слов автора, издателя или другого читателя). В двенадцать я прочел чеховскую «Охоту» в серии детективов и уверился в том, что Чехов – русский писатель, специализирующийся на триллерах. Впоследствии «Даму с собачкой» я воспринял как произведение, вышедшее из-под пера конкурента Конан Дойла, – и наслаждался, хотя и счел интригу довольно прозрачной. Точно так же Сэмюэл Батлер рассказывает о некоем Уильяме Сефтоне Мурхаузе, который «воображал, что был обращен в христианство «Анатомией меланхолии» Роберта Бертона, – он перепутал ее с «Аналогией» Батлера¹⁶, которую ему посоветовал прочесть друг. Это его «очень удивило»¹⁷. В рассказе «Пьер Менар, автор Дон Кихота», Борхес предполагал, что если прочесть «О подражании Христу» Фомы Кемпийского как произведение, написанное Джеймсом Джойсом, это «внесло бы заметную но-

¹⁶ Речь идет о книге: *Butler J. The Analogy of Religion, Natural and Revealed, to the Constitution and Course of Nature* (1736).

¹⁷ См.: *Butler S. The Notebooks of Samuel Butler*. London, 1912.

визну в тонкие духовные наставления»¹⁸.

Еще Спиноза в «Богословско-политическом трактате», выпущенном в 1650 году (объявленном Римской католической церковью книгой, «состряпанной в аду вероотступниками и самим дьяволом»), замечал: «Весьма часто случается, что мы читаем в разных книгах схожие рассказы, о которых выносим совершенно разное суждение вследствие разных мнений, которые мы имеем о писателях. Я читал некогда, будто человек, имя которому было Неистовый Роланд, имел обыкновение путешествовать по воздуху на каком-то крылатом чудовище и перелетал куда только хотел, будто он один убивал множество людей и гигантов, и другие фантазии подобного же рода, которые с точки зрения разума совершенно непонятны. Подобную же историю я читал у Овидия о Персее и, наконец, еще одну – в Книге Судей о Самсоне, который один, и к тому же безоружный, убил тысячи, и об Илии, который летал по воздуху и наконец поднялся на небо на огненных конях и колеснице. Эти истории очень схожи, однако далеко не схожее суждение мы делаем о каждой: первая стремится развлечь, вторая повествует о политических, третья – о священных событиях»¹⁹. Я тоже долгое время считал, что каждая книга должна выполнять определенное назначение, и ожидал, к примеру, что «Путешествие пилигрима» Джона Беньяна будет поучать, поскольку мне говорили,

¹⁸ Перевод Е. Лысенко. *Примеч. пер.*

¹⁹ Перевод М. Лопаткина (с изменениями). *Примеч. пер.*

что это религиозная аллегория, – как если бы я мог слышать, что происходило в голове у автора в момент написания книги, и получить доказательство того, что автор говорил правду. Надо сказать, опыт и здравый смысл, несмотря ни на что, до сих пор не до конца излечили меня от этого суеверия.

Иногда книги становились талисманами: двухтомник «Тристрама Шенди», пингвиновское издание романа Николая Блейка «Чудовище должно умереть», потрепанный томик комментированной «Алисы» Мартина Гарднера, который я купил (потратив все карманные деньги, выданные мне на месяц) у какого-то сомнительного книготорговца. Эти книги я читал с особой нежностью и хранил для особых моментов. Фома Кемпийский просил своих учеников «брать книгу в руки, как Симеон Праведник брал младенца Христа, чтобы понянчить и поцеловать Его. Закончив же читать, закрой книгу и вознеси хвалу за каждое слово, сошедшее с уст Божьих; ибо на поле Господа нашего нашел ты спрятанное сокровище». И святой Бенедикт, писавший в те времена, когда книг было сравнительно мало и стоили они дорого, велел своим монахам «по возможности... держать книгу левой рукой, обернув рукавом туники, положив ее себе на колени; правая же рука пусть служит для переворачивания страниц». Конечно, я не так тщательно соблюдал ритуалы, но все же в процессе чтения была некая тайная торжественность, которую я ощущаю по сей день.

Я хотел жить среди книг. В 1964-м, когда мне было шест-

надцать, я начал подрабатывать после школы в «Пигмалионе», одном из трех англо-германских книжных магазинов Буэнос-Айреса. Владелицей магазина была Лили Лебах, еврейка из Германии, которая в конце тридцатых годов бежала от нацистов. В мои обязанности входило ежедневно вытирать пыль со всех до единой книг, находившихся в магазине – Лили полагала (и вполне справедливо), что таким образом я быстро изучу ассортимент и буду точно знать, где какая книга стоит. К несчастью, большинство книг слишком сильно искушали меня; они требовали, чтобы я взял их в руки, открыл и просмотрел – иногда этого бывало недостаточно. Несколько раз я крал самые соблазнительные книги; я уносил их домой в кармане куртки, потому что мне было мало попросту прочесть их; я должен был обладать ими, называть их своими. Романистка Джамайка Кинкейд, признаваясь, что в детстве воровала книги из библиотеки в Антигуа, объясняла, что не собиралась их красть: «...просто после того, как я прочитывала книгу, я уже не могла помыслить о разлуке с нею»²⁰.

Я слишком быстро обнаружил, что мы читаем не просто «Преступление и наказание» или «Дерево растет в Бруклине»²¹. Мы читаем определенное издание, определенный экземпляр, со всеми шероховатостями бумаги, с особым запа-

²⁰ Kincaid J. A Small Place. New York, 1988.

²¹ Полуавтобиографический невероятно успешный роман Бетти Смит (Betty Smith), 1943. Оригинальное название «A Tree Grows In Brooklyn». *Примеч. пер.*

хом, с высохшей слезинкой на странице 72 и следом от чашки кофе в правом верхнем углу обложки. Эпистемологический закон чтения, выведенный еще во II веке и утверждающий, что более поздний текст всегда замещает предшествующий, в моем случае работал редко. В раннем Средневековье писцы часто «исправляли» ошибки в текстах, которые они переписывали, таким образом «улучшая» их; что касается меня, то издание, в котором я читал книгу в первый раз, становилось *editio princeps*²², и все остальные я впоследствии сравнивал с ним. Книгопечатание создает иллюзию, что все читатели «Дон Кихота» читали одну и ту же книгу. Но я и сегодня ощущаю это так, словно книгопечатание не было изобретено, и каждый экземпляр книги является уникальным.

Наконец никто не станет спорить с тем, что некоторые книги обязаны своими характерными особенностями отдельным читателям. Любая книга содержит в себе историю предыдущих прочтений – другими словами, каждый читатель находится под впечатлением от того, что, как ему кажется, происходило с книгой раньше. В моем подержанном экземпляре автобиографии Киплинга «Кое-что о себе», который я купил в Буэнос-Айресе, на форзаце было записано от руки стихотворение, датированное днем смерти Киплинга. Был ли неизвестный поэт страстным империалистом или поклонником киплинговской прозы, сумевшим разглядеть художника за налетом шовинизма? Мой воображаемый пред-

²² Основным изданием (лат.). Примеч. пер.

шественник оказал на меня сильнейшее влияние, потому что во время чтения я постоянно находился в диалоге с ним или с ней. Книга приносит читателю собственную историю.

Мисс Лебах наверняка знала, что ее подчиненные таскают книжки, но, как я подозреваю, потворствовала преступлению, пока мы не переходили допустимые пределы. Один или два раза, увидев меня погруженным в только что прибывшую книгу, она попросту приказывала заняться работой, а книгу взять домой и прочесть в свободное время. В ее магазине ко мне в руки попали восхитительные книги: «Иосиф и его братья» Томаса Манна, «Герцог» Сола Беллоу, «Гном» Пера Лагерквиста, «Девять рассказов» Сэлинджера, «Смерть Вергилия» Броха, «Зеленое дитя» Герберта Рида, «Самопознание Дзено» Итало Звево, стихи Рильке, Дилана Томаса, Эмили Дикинсон, Джерарда Мэнли Хопкинса, египетская любовная лирика в переводе Эзры Паунда и эпос о Гильгамеше.

Однажды вечером в наш магазин зашел Хорхе Луис Борхес в сопровождении своей восьмидесятивосьмилетней матери. Он был знаменит, но я прочел всего несколько его стихотворений и рассказов и не испытывал особого восторга. Борхес почти совершенно ослеп. Он отказывался пользоваться палкой и протягивал к полкам руки, как будто его пальцы способны были видеть заглавия. Он искал книги, которые могли бы помочь ему в изучении англосаксонского, его последней страсти, и мы предложили ему словарь Ски-

та и «Битву при Мэлдоне»²³ с комментариями. Мать Борхеса начала терять терпение. «О Хорхе, – сказала она, – не знаю, зачем ты тратишь время на англосаксонский, вместо того чтобы выучить что-нибудь полезное, вроде латыни или греческого!» В конце концов он повернулся ко мне и попросил несколько книг. Некоторые я нашел, другие записал, и, уже собираясь уходить, он спросил, сильно ли я занят вечерами, – он нуждается (это он произнес очень виновато) в ком-то, кто мог бы читать ему, потому что его мать быстро устает. Я согласился.

Следующие два года по вечерам, а если мог пропустить школу, то и по утрам, я читал Борхесу, как делали многие другие счастливики и случайные знакомые. Ритуал был один и тот же. Игнорируя лифт, я поднимался пешком по лестнице (очень похожей на ту, по которой поднимался однажды Борхес с новеньким томиком «Сказок 1001 ночи»; он не заметил открытого окна и сильно поранился, рана воспалилась, у него начался бред, и казалось, он сходит с ума), звонил, и горничная провожала меня через занавешенную дверь в маленькую гостиную, где с протянутой для приветствия мягкой рукой уже встречал меня Борхес. Не было никаких предварительных разговоров; он усаживался на кушетку, я

²³ «Битва при Мэлдоне» – яркая с точки зрения художественных достоинств историческая песня поздней англосаксонской литературы. Реальные события, которые послужили основой для песни, относятся к 991 г., когда в правление короля Этельреда Нерешительного Англия подверглась скандинавским нашествиям.
Примеч. пер.

занимал свое место в кресле, и, слегка задыхаясь, он предлагал программу на вечер. «Ну что, не взяться ли нам сегодня за Киплинга? А?» Разумеется, он не ожидал ответа.

В этой гостиной, под гравюрой Пиранези с изображением римских развалин, я читал Киплинга, Стивенсона, Генри Джеймса, несколько статей из немецкой энциклопедии Брокгауза, стихи Дж. Марино, Энрике Банчса, Гейне (правда, последние он знал наизусть, и едва я успевал начать чтение, как его запинаящийся голос вмешивался и продолжал по памяти; причем запинаясь он только в ритме, не в словах, которые знал назубок). Большинство авторов я раньше не читал, так что наш ритуал получался очень любопытным: я открывал для себя текст, читая его вслух, а Борхес использовал уши, как другие читатели используют глаза, чтобы разыскать на странице слово, предложение или абзац, которые подтвердят его воспоминания. Во время чтения он часто прерывал меня, комментируя услышанное, с тем чтобы (как я думаю) заострить на чем-то свое внимание.

Так, например, остановив меня после совершенно уморительной, по его мнению, фразы из «Клуба самоубийц» Стивенсона («Полковник Джеральдин был одет и загримирован под рыцаря прессы в несколько стесненных обстоятельствах»²⁴ – «Как человек может быть одет подобным образом? Как ты думаешь, что имел в виду Стивенсон, учитывая, что он всегда невероятно точен? А?»), он перешел к анализу сти-

²⁴ Перевод Т. Литвиновой. *Примеч. пер.*

листического приема, при котором кто-то или что-то характеризуются с помощью образов, кажущихся точными, но на самом деле вынуждающих читателя делать собственные заключения. Он и его друг Адольфо Бийо Касарес обыграли эту идею в произведении, состоящем из девяти слов: «Кто-то поднимается по лестнице в темноте: топ-топ-топ».

Когда я читал Борхесу рассказ Киплинга «За оградой», он прервал меня после сцены, в которой индийская вдова отправляет возлюбленному послание, составленное из разных предметов. Он отметил поэтическую достоверность этого и размышлял вслух, сам ли Киплинг изобрел этот точный и емкий символический язык²⁵. Потом, как будто покопавшись в мысленной библиотеке, он сравнил его с «философским языком» Джона Уилкинса, в котором каждое слово является собственным определением. Например, Борхес заметил, что слово «лосось» ничего не говорит нам об объекте, который обозначает; а «*zana*», соответствующее слово языка Уилкинса, означает «чешуйчатая речная рыба с краснова-

²⁵ В то время ни я, ни Борхес не знали, что послания Киплинга не были его изобретением. Если верить Игнейс Джей Гелб (см.: *Gelb I. J. A Story of Writing* [Chicago, 1952]), в Восточном Туркестане молодая женщина послала своему возлюбленному горсточку чая, травинку, красный плод – сушеный абрикос, уголек, цветок, кусочек сахара, камешек, перо сокола и орех. Послание гласило: «Я не могу больше пить чай, я пожелтела без тебя, как травинка, я краснею, когда думаю о тебе, мое сердце жжет, как уголь, ты прекрасен, словно цветок, и сладок, словно сахар, неужели твое сердце из камня? Я бы прилетела к тебе, если бы у меня были крылья, я принадлежу тебе, как орешек в твоей руке».

тым мясом»²⁶: причем «z» – это рыба, «za» – это речная рыба, «zan» – это чешуйчатая речная рыба и «zana» – чешуйчатая речная рыба с красноватым мясом. Когда я читал Борхесу, мне постоянно приходилось мысленно переставлять мои собственные книги; в тот вечер Киплинг и Уилкинс стояли на одной и той же воображаемой полке.

В другой раз (никак не могу вспомнить, что именно я тогда читал) он начал составлять импровизированную антологию неудачных строк знаменитых авторов, куда вошли Китс («*The owl, for all his feathers, was a-cold*» – «Взъерошил перья филин под ветлой»²⁷), Шекспир («*O my prophetic soul! My uncle!*» – «*O вещь моя душа! Мой дядя?*»²⁸); Борхес считал, что слово «дядя» непоэтично и совершенно не подходит Гамлету – он бы предпочел: «Брат моего отца!» или: «Материна родня!»), Уэбстер («*We are merely the stars' tennis-balls*» – «Мы – теннисные мячики небес»²⁹) из «Герцогини Мальфи» и последние строки Мильтона из «Возвращенного Рая» – «...*he unobserv'd / Home to his Mother's house private return'd*» – «...и вскоре Он / Под материнский воротился кров»³⁰, – которые (с точки зрения Борхеса) превра-

²⁶ Борхес анализирует язык Уилкинса в новелле «Аналитический язык Джона Уилкинса» (1952).

²⁷ Джон Китс. Канун святой Агнесы. Перевод С. Сухарева. *Примеч. пер.*

²⁸ Действие I, явление 2. Перевод М. Лозинского. *Примеч. пер.*

²⁹ Джон Уэбстер. Герцогиня Мальфи. Акт V, сцена 3. Перевод С. Ильина. *Примеч. пер.*

³⁰ Перевод С. Александровского. *Примеч. пер.*

щали Христа в английского джентльмена в котелке, зашедшего к своей матушке на чашку чая.

Иногда он использовал чтение в собственном творчестве. Призрачный тигр из рассказа Киплинга «Барабанщики „Передового-тылового“», который мы прочли незадолго до Рождества, вдохновил его на один из последних рассказов, «Синие тигры»; «Два отражения в пруду» Джованни Папини привели к появлению «24 августа 1982 года» – тогда эта дата еще относилась к будущему; раздражение, которое вызывал у него Лавкрафт (его рассказы мы начинали и бросали читать десятки раз), привело к возникновению «исправленной» версии одного рассказа Лавкрафта – она появилась в «Сообщении Бруды». Часто он просил меня что-нибудь записать на форзаце книги, которую мы читали, – ссылку на нужную главу или какую-то мысль. Я не знаю, как он это использовал, но привычку писать о книгах на их страницах перенял.

У Ивлина Во есть рассказ, в котором человек, спасший другого в джунглях амазонских джунглей, заставляет спасенного до конца жизни вслух читать ему Диккенса³¹. Чтение Борхесу я никогда не воспринимал как простое исполнение долга; наоборот, это было нечто вроде приятной зависимости. Я восхищался даже не текстами, которые он заставлял меня открывать заново (многие из них в конце концов стали и моими любимыми), а его комментариями, которые бли-

³¹ См: Ивлин Во. Пригоршня праха. Перевод Л. Беспаловой. *Примеч. пер.*

стали обширнейшей, но совершенно не навязчивой эрудицией, были очень смешными, иногда жестокими и почти всегда непреложными. Я чувствовал себя счастливым владельцем уникального, тщательно прокомментированного издания, составленного лично для меня. Разумеется, все было не так; я (как и многие другие) был просто его блокнотом, памяткой, необходимой слепому человеку, чтобы приводить в порядок мысли. И я с готовностью позволял использовать себя таким образом.

До встречи с Борхесом я читал про себя или другие читали мне вслух выбранные мною книги. Чтение вслух старому слепому человеку открыло много нового, ведь, несмотря на то что мне удавалось, хотя и не без труда, контролировать темп и тон чтения, именно Борхес, слушатель, обладал властью над текстом. Я был водителем, но местность, по которой мы ехали, принадлежала пассажиру, у которого не было иной задачи, кроме как разгадать тайну расстилающейся за окнами земли. Борхес выбирал книгу, Борхес останавливал меня или просил продолжить, Борхес прерывал чтение, чтобы что-то прокомментировать, Борхес позволял словам приходиться к нему. Я был невидим.

Я быстро понял: чтение имеет накопительный эффект, который нарастает в геометрической прогрессии: каждый новый текст оценивается в соответствии с тем, что автор прочел раньше. Я стал делать предположения относительно текстов, которые выбирал для меня Борхес: проза Киплинга бу-

дет высокопарной, Стивенсона – ребяческой, Джойса – непонятной, но очень скоро предубеждения уступили место опыту. Открыв для себя один сюжет, я переходил к другому, уже обогащенному воспоминаниями о реакции Борхеса и моей собственной. Процесс чтения никогда не подчинялся общепринятым законам течения времени. К примеру, чтение вслух какого-либо текста, который я уже читал самостоятельно, меняло сложившееся у меня представление о нем; расширяло и по-новому заполняло мои воспоминания, заставляя почувствовать то, чего я не сумел почувствовать под влиянием Борхеса. «Есть люди, которые, читая книгу, вспоминают, сравнивают и вызывают в себе эмоции, родившиеся раньше, во время чтения других книг, – замечает аргентинский писатель Эсекьель Мартинес Эстрада. – И это, на мой взгляд, один из самых изысканных видов адюльтера»³². Борхес не верил в систематизированные библиографии и поощрял при чтении такие адюльтеры.

Помимо Борхеса, я иногда узнавал новые названия от друзей, учителей или из рецензий, но по большей части все мои встречи с книгами были делом случая, как встречи тех незнакомцев из пятнадцатого круга Дантова ада, которые «как в новолунье... в поздний час, / Друг друга озирают втихомолку»³³ и внезапно, реагируя на слово, жест или взгляд, испытывают непреодолимое влечение.

³² Цит. по: *Estrada E. M. Leery escribir. Mexico: D.F., 1969.*

³³ Перевод М. Лозинского. *Примеч. пер.*

Сначала я расставлял книги строго в алфавитном порядке по фамилии автора. Потом начал разделять их по жанрам: романы, эссе, пьесы, поэмы. Позже стал группировать книги по языку, а когда часто находился вне дома и вынужден был довольствоваться несколькими экземплярами, делил их на те, что я вряд ли когда-нибудь стану читать, на те, которые я читаю постоянно, и на те, которые надеюсь прочитать в ближайшем будущем. Иногда моя библиотека подчинялась странным законам, порожденным сложными ассоциациями. Испанский романист Хорхе Семпрун хранит «Лотту в Веймаре» Томаса Манна среди книг о Бухенвальде, концентрационном лагере, в котором он сидел, потому что роман открывается сценой в веймарском отеле «Слон», куда Семпруна привезли после освобождения³⁴. Когда-то я думал, что было бы интересно попытаться составить историю литературы, базируясь на этих принципах, и найти, к примеру, связи между Аристотелем, Оденом, Джейн Остин и Марселем Эме (из моего алфавитного списка) или между Честертоном, Сильвией Таусенд Уорнер, Борхесом, апостолом Иоанном и Льюисом Кэрроллом (которых я чаще всего перечитываю). Мне казалось, что литература, которую преподают в школах – где ищут связи между Сервантесом и Лопе де Вегой на том основании, что они жили в одном столетии, и где считается шедевром «Платеро и я» Хуана Рамона Хименеса (прихотливая сказка о привязанности поэта к ослику), – ничуть не

³⁴ См.: *Semprun J. L'Écriture ou la vie.* Paris, 1994.

лучше той подборки, которую мог бы сделать я сам, базируясь лишь на открытиях, сделанных в процессе чтения, и на размерах моих книжных шкафов. История литературы, какой она предстает в школьных учебниках и общественных библиотеках, на мой взгляд, – просто история чтения, безусловно более полная, чем моя собственная, но ничуть не менее зависимая от случая.

За год до того, как я окончил школу, в 1966 году, когда к власти пришла военная хунта генерала Онгании, я открыл для себя еще одну систему, по которой можно сортировать книги. Определенные книги и определенные авторы считались коммунистическими и помещались в особый список. Во время постоянных полицейских облав в барах, кафе, на автобусных остановках и просто на улицах отсутствие подозрительных книг имело такое же значение, как наличие нужных документов. Запрещенные авторы – Пабло Неруда, Джером Дэвид Сэлинджер, Максим Горький, Гарольд Пинтер – формировали собственную историю литературы, поскольку связь между ними была видна лишь острому глазу цензора.

Но не только тоталитарная власть боится чтения. Читателей недолюбливают в раздевалках и на школьных дворах, в тюрьмах и государственных учреждениях. Почти везде сообщество читателей имеет сомнительную репутацию из-за своего высокого авторитета и кажущейся силы. Что-то в особых отношениях между читателем и книгой кажется мудрым и плодотворным, но, с другой стороны, они подразумевают

некую исключительность, возможно, из-за того, что образ человека, забившегося в уголок, безразличного к мирским соблазнам, предполагает непробиваемое стремление к уединению, себялюбие и некую тайну. («Ступай жить!» – говорила моя мать, когда видела меня за книгой, как будто это занятие противоречило ее представлениям о том, что называется жизнью.) Всеобщий страх перед тем, что читатель может найти на страницах книги, сродни тому вечному ужасу, который испытывают мужчины перед сокровенным в женском теле или простые люди перед тем, что делают в темноте за закрытыми дверями ведьмы и колдуны. Согласно Вергилию, Врата Ложных Упований сделаны из слоновой кости; Сен-Бёв считает, что башня читателя сделана из того же материала.

Борхес как-то рассказывал, что на одной из демонстраций, организованной правительством Перона в 1950 году против инакомыслящих интеллектуалов, демонстранты скандировали: «Да – ботинкам, нет – книжкам!» Возражение «да – ботинкам, да – книжкам» никого бы не убедило. Реальность – жестокая, очевидная реальность – неизбежно должна была столкнуться с вымышленным миром книг. По этой причине и всё с большим успехом власти повсеместно старались усугубить искусственно созданный раскол между чтением и реальной жизнью. Народным режимам нужно, чтобы мы потеряли память, и потому они называют книги бесполезной роскошью; тоталитарным режимам нужно, чтобы

мы не думали, и потому они запрещают, уничтожают книги и вводят цензуру; и тем и другим нужно превратить нас в глупцов, которые будут спокойно воспринимать свою деградацию, и потому они предпочитают поощрять потребление бессмыслицы. В таких обстоятельствах у читателей не остается иного выхода, кроме как поднять восстание.

И вот я самонадеянно перехожу от собственной читательской истории к истории самого процесса чтения. Или, скорее, к истории о чтении – состоящей из разных личных обстоятельств, – наверняка это будет всего лишь одна из возможных историй, какой бы бесстрастной она ни была. Возможно, в конце концов, история чтения – это история читателей. Даже началась она случайно. В рецензии на книгу об истории математики, выпущенную в середине тридцатых годов, Борхес написал, что у нее есть один «неприятный недостаток: хронологический порядок событий никак не сочетается с естественным и логическим их порядком. Определение элементов теории часто происходит в последнюю очередь, практика предшествует теории, для неподготовленного читателя труды первых математиков менее понятны, чем работы их современных коллег»³⁵. Почти то же можно сказать и об истории чтения. Ее хронология не может совпадать с хронологией политической истории. Шумерский писец, для которого чтение было ценнейшей привилегией, ку-

³⁵ *Borges J. L.* Review of «Men of Mathematics» by E. T. Bell // *El Hogar* (Buenos Aires). July 8. 1938.

да более остро чувствовал свою ответственность, чем читатели современного Нью-Йорка или Сантьяго, поскольку от его личной интерпретации зависело, как поймут люди статью законов или счет. Теория чтения позднего Средневековья, определявшая, когда и как следует читать, и разделявшая тексты на те, которые должно читать вслух, и те, которые читают только про себя, была гораздо четче сформулирована, чем аналогичная теория, принятая в конце XIX века в Вене или в Англии эпохи короля Эдуарда. История чтения не должна совпадать и с историей литературной критики; сомнения, выраженные мистиком XIX века Анной Катариной Эммерих (о том, что печатный текст никогда не сможет сравниться с ее личным жизненным опытом³⁶), на две тысячи лет раньше гораздо четче изложил Сократ (который считал книги помехой для обучения)³⁷, а в наше время – немецкий литератор Ханс Магнус Энценбергер (который защищал неграмотность и призывал вернуться к изначальной креативности устного народного творчества)³⁸. Эту точку зрения среди прочих опровергает американский эссеист Алан Блум³⁹; а его – что за восхитительный анахронизм! – дополняет и углубляет Чарльз Ламб, который еще в 1833 году признавал-

³⁶ См.: *Schmoger P. K. E. Das Leben der Gottseligen Anna Katharina Emmerich.* Freiburg, 1867.

³⁷ См.: Платон. *Федр. Примеч. пер.*

³⁸ *Enzensberger H. M. In Praise of Illiteracy // Die Zeit (Hamburg).* Nov. 29. 1985.

³⁹ См.: *Bloom A. The Closing of the American Mind.* New York, 1987.

ся, что любит блуждать «по мыслям других людей». «Если я не иду, – говорил он, – я читаю; я не могу сидеть и думать. Книжки думают за меня»⁴⁰. История чтения не сочетается и с хронологией истории литературы, потому что часто автор начинает свою жизнь в литературе не благодаря первой книжке, а благодаря будущим читателям: маркиз де Сад был спасен из пыльного чулана порнографической литературы, где его книги провели более 150 лет, библиофилом Морисом Гейне и французскими сюрреалистами; Уильям Блейк, о котором никто ничего не слышал более двух веков, в наше время заново родился благодаря сэру Джеффри Кейнсу и Нортропу Фраю – именно благодаря им его произведения стоят теперь в учебном плане любого колледжа.

Говорят, сегодняшним читателям грозит вымирание, и потому мы должны наконец узнать, что же такое чтение. Наше будущее – будущее истории чтения – анализировали Блаженный Августин, который пытался определить разницу между текстом задуманным и текстом, произнесенным вслух; Данте, который задавался вопросом, есть ли пределы у способности читателя к толкованию текста; Мурасаки Сикибу, которая ратовала за самостоятельный выбор порядка чтения; Плиний, изучавший сам процесс чтения и связи между писателем, который читает, и читателем, который пишет; шумерские писцы, которые наделяли акт чтения поли-

⁴⁰ *Lamb Ch. Detached Thoughts on Books and Reading // Lamb Ch. Essays of Elia. London, 1833.*

тической силой; первые создатели книг, которые сочли чтение свитков (похожее на тот способ, что сегодня мы используем в наших компьютерах) слишком неуклюжим и ограничивающим и вместо этого дали нам возможность листать страницы и делать заметки на полях. Прошлое этой истории перед нами, и на последней странице грозным предупреждением стоит будущее, описанное Реем Бредбери в повести «451 по Фаренгейту», когда книги хранили в памяти, а не на бумаге.

Как и сам процесс чтения, его история с легкостью переносится в наше время – ко мне, к моему читательскому опыту, – а потом возвращается назад, к далеким страницам прошлого. Она пропускает главы, пролистывает, выбирает, перечитывает, отказывается идти общепринятым путем. Парадоксально, но страх, который противопоставляет чтение обычной жизни, который заставлял мою мать отбирать у меня книгу и гнать на улицу, распознает грустную правду: «Вы не можете заново начать жизнь, эту поездку в одну сторону, после того, как она закончится, – пишет турецкий новеллист Орхан Памук в книге «Белая крепость», – но если у вас в руках книга, какой бы трудной для понимания она ни была, после того, как вы закончите ее, вы сможете, если захотите, вернуться назад, к началу, и перечитать ее заново, понять все сложные места и таким образом понять и саму жизнь»⁴¹.

⁴¹ Перевод В. Феоновой.

Процессы чтения

Читать – значит познавать только что возникшее.

Итало Калвино.

«Если однажды зимней ночью путник». 1979

Чтение теней

В 1984 году в Сирии, в городе Телль-Брак, были найдены две маленькие прямоугольные глиняные таблички, датированные IV тысячелетием до нашей эры. Я видел их за год до войны в Заливе под стеклом в скромной витрине Археологического музея Багдада. С виду они ничем особо не примечательны; небольшая выемка сверху и схематическое изображение животного в центре. Одно из этих животных – скорее всего, коза, а другое – овца. Археологи считают, что выемка обозначает крошечную цифру 10. Вся наша история начинается с этих двух скромных табличек⁴². Они – если только война пощадила их – являются древнейшими дошедшими до нас образцами письменности⁴³.

⁴² Нельзя сказать, что письменность началась с тех шумерских табличек. Принято считать, что письменность в Китае и Центральной Америке появилась независимо, см.: *Gaur A. A History of Writing. London, 1984.*

⁴³ См.: *Boltz W. G. Early Chinese Writing // World Archeology. Vol. 17. Issue 3.*

В этих табличках есть что-то глубоко трогательное. Возможно, когда мы смотрим на эти кусочки глины, унесенные рекой, которой больше не существует, на тонкие линии, изображающие животных, обратившихся в прах тысячи и тысячи лет назад, у нас в голове звучит некий голос: «Здесь было десять коз», «Здесь было десять овец» – так говорил заботливый скотовод в те дни, когда пустыня была еще зеленой. Просто взглянув на таблички, мы продлили память о начале времен, сохранили мысль, автора которой давно нет, и стали участниками акта творения, которому не будет конца, пока то, что написано, будут видеть, расшифровывать, читать⁴⁴.

Как и мой неизвестный шумерский предок, читавший эти таблички в тот непостижимо далекий вечер, я тоже читаю, здесь, в своей комнате, хотя нас разделяют моря и столетия. Сидя за столом, подперев подбородок руками, абстрагировавшись на некоторое время от яркого света и звуков, несущихся с улицы, я смотрю, слушаю, постигаю (впрочем, все эти слова не способны описать то, что происходит со мной) сюжет, описание, тему. Ничто не движется, кроме моих глаз

Feb. 1986. Письменность в Месопотамии, возможно, оказала влияние на письменность других народов: египтян (приблизительно в 3000 г. до н. э.) и индийцев (в 2500 г. до н. э.).

⁴⁴ Уильям Вордсворт описывал те же чувства в 1819 г.: «Кто изучал, забыв про сон, / Прах геркуланумских письмён – / Он славу вам сулит! / Кто знает, может, в свитках сих / Фрагмент фивейский, или стих, / Что создал Симонид». (Переводчик неизвестен. *Примеч. пер.*)

и руки, которой я время от времени переворачиваю страницы, и, покуда я читаю, нечто, не вполне подходящее под определение «текст», раскрывается, разрастается и пускает корни. Но как это происходит?

Чтение начинается с глаз.

«Острейшее из наших чувств – зрение», – писал Цицерон, отмечая, что мы лучше запоминаем текст, когда видим его, а не когда слышим⁴⁵. Блаженный Августин прославлял (а потом осуждал) глаза как окно в мир⁴⁶, а святой Фома Аквинский называл зрение «величайшим из чувств, благодаря которому мы получаем знания»⁴⁷. Это понятно любому читателю: мы воспринимаем буквы благодаря зрению. Но какая алхимия делает буквы пригодными для понимания словами? Что происходит внутри нас, когда перед нами оказывается текст? Как видимое – «вещества», поставляемые глазами в нашу внутреннюю лабораторию, цвета и формы предметов и букв – становится читаемым? И что, наконец, представляет собой процесс, который мы называем чтением?

В пятом столетии до нашей эры Эмпедокл описывал глаз как порождение богини Афродиты:

⁴⁵ Cicero. De oratore. Vol. I / ed. E.W. Sutton & H. Rackham. Cambridge (Mass.) & London, 1967.

⁴⁶ См.: Блаженный Августин. Исповедь. X, 34. Перевод М. Сергеенко, М. Грацианского, П. Кузенкова. Здесь и далее «Исповедь» цитируется в этом переводе. *Примеч. пер.*

⁴⁷ Chenu M.-D. La théologie au XIIe siècle. Paris: Vrin. 1957.

Так и огонь изначальный, – что в глаза покровах и тканях.
Тонких, искусно насквозь пробуравленных в виде воронок,
Замкнут, – за круглым зрачком с той поры стал скрываться,
Ткани удерживать стали наплыв обтекающей влаги,
Доступ огню открывая наружу, поскольку он тоньше⁴⁸.

Более века спустя Эпикур вообразил, что этот огонь – не что иное, как некие оттиски предметов, которые проникают в наши глаза и наш разум, словно неутихающий дождь, вливая в нас все качества объекта⁴⁹. Евклид, современник Эпикура, проповедовал противоположную теорию: это глаза наблюдателя испускают некие лучи, позволяющие ему постигать окружающее⁵⁰. Обе теории страдали от внутренних противоречий. Например, в случае первой, так называемой теории «интромиссии», неясно, как оттиск атомов, исходящий от большого объекта – слона или горы Олимп, – может уместиться в таком небольшом предмете, как человеческий глаз? А что касается теории «экстремиссии», то что это за луч, способный всего за доли секунды достичь далеких звезд, которые мы видим каждую ночь?

⁴⁸ Эмпедокл. О природе. Перевод Г. И. Якубаниса в переработке М. Л. Гаспарова. *Примеч. пер.*

⁴⁹ См.: Эпикур. Письмо к Геродоту. Перевод и комментарии М. Л. Гаспарова. Цит. по: *Тит Лукреций Кар. О природе вещей*. М., 1983. С. 292–306.

⁵⁰ См. там же.

За несколько десятилетий до этого Аристотель предложил другую теорию. Предвосхищая и поправляя Эпикура, он утверждал, что свойства видимого предмета – а вовсе не оттиск атомов – проходят через воздух (или какой-то иной проводник) к глазу наблюдателя, так что тот воспринимает не истинные, а сравнительные размер и форму предмета. Человеческий глаз, по Аристотелю, подобно хамелеону, принимает форму и цвет наблюдаемого объекта и через свои «соки» передает полученную информацию всемогущим внутренностям (*splanchna*⁵¹) – конгломерату органов, куда входили сердце, печень, легкие, мочевой пузырь и кровеносные сосуды, – управлявшим движениями и чувствами человека⁵².

Через шесть столетий греческий врач Гален предложил четвертое решение, отвергающее идею Эпикура и согласующееся с мнением Евклида. Гален предположил, что «зрительный дух», рождающийся в мозгу, проходит сквозь глаз через зрительный нерв и выходит наружу. После этого сам воздух обретает способность к восприятию и оценивает свойства объектов, как бы далеко они ни находились. Эти свойства через глаз передаются в мозг и через спинной мозг сообщаются нервам, отвечающим за движение и чувства.

⁵¹ Полное объяснение этого термина см.: *Padel R. In and Out of the Mind: Greek Images of the Tragic Self. Princeton University Press, 1994.*

⁵² См.: *Аристотель. О душе. Перевод В. Снегирева // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 371–448. М.: Мысль, 1976.*

Аристотель считал смотрящего пассивным существом, получающим обозреваемый им предмет через воздух, который затем передается в сердце – средоточие всех чувств, включая зрение. По Галену же, смотрящему, воспринимающему разумный воздух, принадлежит деятельная роль, а то, благодаря чему мы видим, находится глубоко в мозгу.

Средневековые ученые, для которых Гален и Аристотель были первоисточником научных познаний, в основном считали, что между этими двумя теориями существует иерархическая связь. Они не занимались выяснением того, какая теория вернее; важно было лишь получить из обеих информацию о том, как разные части человеческого тела воспринимают окружающий мир – и как они связаны друг с другом. Итальянский врач XIV века Джентиле да Фолиньо писал, что выяснение этого вопроса было «таким же важным шагом для медицины, как изучение алфавита для чтения»⁵³, и напоминал, что Блаженный Августин, как и многие другие ранние отцы Церкви, тщательно занимался этим вопросом. Блаженный Августин полагал, что сердце и мозг действуют как пастухи чувств, хранящихся в нашей памяти, и использовал глагол *colligere* (означающий одновременно «собирать» и «складывать»), чтобы описать, как эти впечатления собираются из разных уголков памяти и «изгоняются с насиженных мест,

⁵³ Цит. по: *Siraisi N. G. Medieval and Early Renaissance Medicine: an introduction to knowledge and practice. Chicago & London, 1990.*

ибо нет другого места, куда они могли бы пойти»⁵⁴.

Память – лишь одна из функций, которая выиграла от этого союза чувств. В Средние века общепринятой считалась точка зрения, согласно которой (как предполагал Гален) вид, звук, запах, вкус и прикосновение поступают в общее хранилище чувств, расположенное в мозгу, в область, которую иногда называют «здравый смысл», из которой происходит не только память, но также знания, фантазия и сны. Эта область, в свою очередь, была соединена с аристотелевской «*splanchna*», – средневековые ученые считали, что это просто-напросто сердце, средоточие всех чувств. Считалось, что чувства связаны с мозгом, телом же управляет сердце⁵⁵. В немецком манускрипте конца XV века содержится трактат Аристотеля о логике и натурфилософии с нарисованной человеческой головой – глаза и рот открыты, ноздри раздуты, одно ухо тщательно обведено. Внутри мозга обозначены пять концентрических кругов, идущих слева направо: главный участок здравого смысла и за ним участки воображения, фантазии, мышления и памяти. Как указано в прилагаемом глоссарии, кружок здравого смысла связан еще и с сердцем, также изображенным на картинке. Эта диаграмма – типичный образец того, как представляли себе процесс восприятия в Средние века, с одним небольшим добавлением: хотя на иллюстрации это не показано, большинство ученых

⁵⁴ Блаженный Августин. Исповедь. X, 8–11.

⁵⁵ *Siraisi N. G. Medieval and Early Renaissance Medicine.*

того времени (вслед за Галеном) считали, что основу мозга составляет «непостижимая сеть» – *rete mirabile* – маленьких сосудов, которые действуют в качестве каналов коммуникации, когда мозга достигает нечто, требующее определения. Эти *rete mirabile* видны на рисунке мозга, который сделал Леонардо да Винчи приблизительно в 1508 году, четко выделив в отдельные желудочки и приписав разным частям мозга различные мыслительные функции. Согласно Леонардо, «*sensio commune* [*common sense*, здравый смысл] – это то, что оценивает впечатления, полученные от других чувств... и он расположен в самом центре головы, между *impresiva* [центр впечатлений] и *memoria* [центр памяти]. Окружающие объекты передают свои образы чувствам, а чувства передают их дальше, в *impresiva*. Центр *impresiva* переправляет их в *sensio commune* и, уже оттуда образы уходят в память, где закрепляются довольно прочно, в зависимости от значимости воспринимаемого объекта»⁵⁶. Во времена Леонардо человеческий мозг считался чем-то вроде небольшой лаборатории, в которой материал, собранный глазами, ушами и другими органами восприятия, превращается во «впечатления», попадает в центр здравого смысла и потом переводится в один из разделов мозга – как, например, память – под влиянием сердца. Именно таким образом металл черных букв (воспользуемся алхимической метафорой) становится золотом знания.

⁵⁶ См.: Leonardo da Vinci: Corpus of the Anatomical Studies in the Collection of Her Majesty the Queen at Windsor Castle. 3 vols. London, 1978–1980.

Но один фундаментальный вопрос оставался нерешенным: это мы, читатели, забираем буквы со страницы, как утверждали Евклид и Гален? Или это буквы достигают наших чувств, как полагали Эпикур и Аристотель? Леонардо и его современники могли найти ответ (или подсказки, способные вывести на него) в сделанном в XIII веке переводе книги, написанной двумястами годами раньше (иногда в мире науки события развиваются очень медленно) в Египте ученым из Басры по имени аль-Хасан ибн аль-Хайсам, известным на Западе под именем Альхазен.

В XI веке Египет процветал под властью Фатимидов, черпая свои богатства из плодородной долины Нила и из торговли с соседями по Средиземноморью, его пустынные границы защищали армии наемников – берберов, суданцев и турков. Благодаря международной торговле и участию наемников в боевых действиях Египет при Фатимидах стал поистине космополитическим государством⁵⁷. В 1004 году калиф аль-Хаким (он пришел к власти в одиннадцатилетнем возрасте и таинственным образом исчез во время прогулки двадцать пять лет спустя) по образцу доисламистских организаций основал в Каире большую академию – Дар аль Ильм, или Дом Науки. Он передал в дар народу собственную коллекцию манускриптов и постановил, что «все могут приходиться сюда, чтобы читать, переводить и получать наставления»⁵⁸.

⁵⁷ См.: Hourani A. A History of the Arab Peoples. Cambridge (Mass.), 1991.

⁵⁸ Pedersen J. The Arabic Book / trans. by Geoffrey French. Princeton, 1984.

Народ прощал аль-Хакиму его эксцентричное поведение – он, например, запретил играть в шахматы и продавать рыбу без чешуи – и чудовищную кровожадность за достижения правителя⁵⁹. Он хотел превратить Каир Фатимидов не только в символический центр политической власти, но и в столицу науки и искусства. С этой целью он пригласил ко двору множество знаменитых астрономов и математиков, среди которых был и аль-Хайсам. Официально аль-Хайсаму было поручено найти способ управлять течением Нила. Этим он и занимался, без особого, впрочем, успеха, а кроме того, посвящал свои дни работе над пояснениями к астрономическим теориям Птолемея (правда, его враги утверждали, что это скорее не пояснения, а внесение новых неясностей), а по ночам писал грандиозный труд по оптике, который его и прославил.

По теории аль-Хайсама, восприятие внешнего мира требует некоего умозаключения, которое мы можем сделать благодаря своей способности к суждениям. Разрабатывая эту теорию, аль-Хайсам использовал постулат Аристотеля о том, что свойства видимого сообщаются глазу посредством воздуха, и поддержал его точными физическими, математическими и психологическими объяснениями⁶⁰. Но что более важно, аль-Хайсам разделял «чистые чувства» и «восприя-

⁵⁹ См.: *Assaad S.A. The Reign of al-Hakim bi Amr Allah. London, 1974.*

⁶⁰ Эти объяснения приведены в работе: *Omar S. B. Ibn al-Haytham's Optics: A Study of the Origins of Experimental Science. Minneapolis & Chicago, 1977.*

тие»: первые возникают невольно – например, когда я вижу свет за окном или как вечером меняются тени, – а второе требует преднамеренного акта распознавания – когда я смотрю на текст на странице⁶¹. Значение идеи аль-Хайсама состояло в том, что впервые в процессе восприятия была найдена последовательность действий, от «видения» до «расшифровки», или «чтения».

Аль-Хайсам умер в Каире в 1038 году. Два века спустя английский ученый Роджер Бэкон, пытаясь оправдать изучение оптики перед папой Климентом IV (и это в то время, когда определенные группы внутри Католической церкви яростно отстаивали точку зрения, согласно которой научные исследования противоречат догмату христианства), предложил краткий обзор теории аль-Хайсама⁶². Соглашаясь с аль-Хайсамом (и в то же время всячески преуменьшая роль исламской науки), Бэкон объяснял его святейшему основы его теории. По Бэкону, когда мы смотрим на какой-либо объект (на дерево или на слово «солнце»), формируется визуальная пирамида, в основании которой лежит сам объект, а вершина ее находится в центре роговицы. Мы «видим», когда пирамида входит в наш глаз и ее лучи попадают на поверхность глазного яблока, преломляясь таким образом, чтобы не пересекаться. Для Бэкона видение – актив-

⁶¹ См.: *Lindberg D. C. Theories of Vision from al-Kindi to Kepler. Oxford, 1976.*

⁶² См.: *Charles E. Roger Bacon, sa vie, ses ouvrages, ses doctrines d'après des textes inédits. Paris, 1861.*

ный процесс, при котором образ объекта попадает в глаз, где обрабатывается его «зрительными силами».

Каким же образом восприятие становится чтением? Как понимание букв связано с процессом, охватывающим не только видение и восприятие, но и выводы, суждения, память, распознавание, познание, опыт, практику? Аль-Хайсам знал (и Бэкон с ним соглашался), что все эти элементы, необходимые для осуществления процесса чтения, делают его невероятно сложным, поскольку требуют одновременно-го применения сотен различных навыков. И не только их. На процесс чтения влияют время, место, табличка, свиток, страница или экран, на которых написан текст: для неизвестного шумерского фермера – деревня, вблизи которой он пас своих коз и овец, и комок глины; для аль-Хайсама – новенькая светлая комната в Каирской академии и досконально изученный манускрипт Птолемея; для Бэкона – тюремная камера, куда его бросили за его кощунственные мысли, и драгоценные научные тома; для Леонардо – двор короля Франсуа I, где он провел последние годы жизни, и записи, которые можно было прочесть, только если поднести их к зеркалу. Все эти такие разные элементы объединяются общим действием, что и понял аль-Хайсам. Но как все это происходит, какие хитроумные, но прочные связи возникают между элементами – этот вопрос и аль-Хайсам, и его читатели оставили без ответа.

Современная наука нейролингвистика – изучение связей

между мозгом и языком – зародилась почти через восемь с половиной столетий после смерти аль-Хайсама, в 1865 году. Тогда двое французских ученых, Мишель Да и Поль Брока⁶³, порознь, но почти одновременно пришли к выводу, что у подавляющего большинства людей в результате генетического процесса, который запускается в момент зачатия, левое полушарие головного мозга отвечает за кодирование и декодирование языка; у гораздо меньшей группы, в которую входят в основном левши и амбидекстры, эта функция передана правому полушарию. В редких случаях у людей, генетически предрасположенных к доминированию левого полушария, полученная в раннем возрасте травма приводит к «перепрограммированию» и передаче языковых функций правому полушарию. Но ни то ни другое полушарие не начинает работать в качестве преобразователя, пока человек не раскрывается для языка.

В то время, когда первый писец выцарапывал и выдалбливал первые слова, человеческое тело уже было способно к чтению и письму, хотя оба этих искусства к тому моменту еще не были ему известны; то есть тело обладало спо-

⁶³ См.: *Dax M.* Lésions de la moitié gauche de l'encéphale coïncidant avec l'oubli des signes de la pensée // *Gazette hebdomadaire de médecine et de chirurgie.* № 2. 1865; *Broca P.* Sur le siege de la faculté du langage articulé // *Bulletin de la Société d'anthropologie.* № 6. 1865. P. 337–393, а также: *Lecours A. R. et al.* Illiteracy and Brain Damage (3): A Contribution to the Study of Speech and Language Disorders in Illiterates with Unilateral Brain Damage (Initial Testing) // *Neuropsychologia.* № 26 (4). London, 1988. P. 575–589

способностью хранить, запоминать и расшифровывать все виды чувств, включая чтение письменности, которая еще не была изобретена⁶⁴

⁶⁴ См.: *Lecours A. R., Peña—Casanova J. & Ardila A. Origins and evolution of writing // Lecours A.R., Peña-Casanova J. & Diéguez-Vide F. (eds.). Dislexias y disgrafias: Teoría, formas clínicas y exploración. Barcelona: Masson. 1998.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.